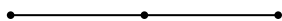

Нити любви

РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

Ц И К Л
НОВАЯ ЮНОСТЬ

ИМЯ НА СОЛНЦЕ
ХРУПКОЕ ЗАВТРА

М а т в я н а
Т Р О Н И Н А

ХРУПКОЕ ЗАВТРА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Художественное оформление серии *Елены Куликовой*

Редактор серии *Полина Корицкая*

Тренина, Татьяна Михайловна.

Т73 Хрупкое завтра : роман / Татьяна Тренина. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225929-6

Обычная женщина из наших дней попадает в прошлое, становится юной красавицей, спортсменкой, комсомолкой!

Но прошлое мстит за вторжение. Каждое исправление аukaется неожиданной бедой. Любовный треугольник, в который попала Алена, превратился в опасную ловушку. Чужие амбиции и обиды грозят разбить не только ее сердце, но и погубить все, чего она добилась.

Вторая книга цикла «Новая юность», продолжение книги «Имя на солнце».

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Тренина Т., 2026
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225929-6

Дом был старый, еще дореволюционной постройки, с парадным и так называемым черным ходом (в прошлом, как понимаю, он предназначался для прислуги).

Инструкция предписывала воспользоваться черным ходом, что я и сделала послушно, поднявшись на последний, пятый этаж.

Узкая лестница с крашенными в темно-зеленый цвет стенами и белым потолком... Здесь было довольно чисто, хотя пахло всеми оттенками еды — от жареной рыбы до вареной капусты. Оно и неудивительно: все эти двери вели сразу на кухни.

Запахи чужой еды бывают неприятны: они про незнакомых людей, про их непонятную жизнь. Но я не стала брезгливо морщиться, поднимаясь по лестнице. Я не буду осуждать чужой «хлеб» («фу-фу-фу, какую дрянь они там готовят?!»), потому что не хочу, чтобы другие люди взялись осуждать уже мои вкусовые привычки.

Это что, я перешла на какой-то иной уровень понимания жизни? Мое отношение к людям изменилось до такой степени, что я стала терпима даже к запаху вареной капусты? Хотя саму по себе капусту, особенно в пирожках, я любила...

Звонков у дверей не было, впрочем, как и номеров квартир. Но рядом с нужной мелом была нарисована забавная улыбающаяся рожица, такие через несколько десятков лет станут называться в интернет-культуре «смайликами».

Рожица являлась опознавательным знаком, указывала инструкция. Продолжая следовать ей, я постучала в дверь три раза, через пять секунд — два раза.

Загрохотала задвижка, дверь приоткрылась на длину внутренней цепочки.

— Кто там? — спросил напряженный мужской голос.

— Я от Лионеллы Петровны, — произнесла я условленную фразу.

Дверь закрылась, загремела цепочка, потом дверь широко распахнулась.

— Проходите, — сказал хозяин, полный молодой мужчина в длинном велюровом халате, пропуская меня на кухню; пошел впереди, сверкая ранней лысиной. Оглянулся на ходу, представился: — Я Аркадий, если что. Но вы можете не сообщать мне свое имя, ни к чему вся эта «галантерея»...

Кухня выглядела вполне обычной коммунальной кухней, с протертым пестрым линолеумом на полу, четырьмя столами в углах, раковиной и белой плитой на высоких ножках (точно такая же стояла и на нашей кухне, да и в большинстве кухонь Москвы этого периода, наверное).

Длинный коридор был освещен единственной «голой» лампочкой, свисающей на проводе с потолка; сюда, в коридор, выходило несколько дверей. На стенах на

крючках висела одежда, детские санки и детская же ванночка. В общем, тоже стандартный коммунальный коридор...

А вот комната, которую занимал Аркадий, выглядела ярко. На полу и стенах ковры, посреди комнаты — низкая тахта, рядом кресло с пестрой накидкой, изображающей тигриную шкуру, проигрыватель на журнальном столике. Мебельный гарнитур под названием «стенка» располагался вдоль одной из стен, на полке снизу — длинный ряд пластинок, на полке сверху — много-много икон.

За стеклом на хрустальном блюде перекрещивались две длинные, треугольной формы импортные шоколадки со знакомым названием и в знакомом оформлении — на желтом фоне красные буквы. Я удивилась этим шоколадкам как старым знакомым. В будущем (которое теперь стало для меня прошлым) они продавались во всех магазинах. Но недешевые, да...

На противоположной стене, поверх ковра, висел плакат с группой «Битлз».

— Что интересует? — садясь в кресло, устало спросил Аркадий. — Есть сигареты... — Он перечислил импортные названия. — Есть диски с Джимми Хендриком и Дженнис Джоплин, но диски «не запиленные», новые, поэтому дешевле ста не продам. Жевачка есть с разными вкусами...

— Меня одежда интересует, — сказала я. — Джинсы и рубашка.

— Батник, что ли, нужен? Это у меня в наличии... Джинсы тоже имеются. — Он перечислил названия фирм.

— Надо посмотреть, — сказала я.

— Меряйте. — Он потянулся к шкафу, достал из выдвижного ящика пакеты с вещами, кинул пакеты мне. — Ваши размеры. Дверцу у шифоньера откройте, за ней можно переодеться. Там же и зеркало.

Я переоделась за дверцей. Взглянула на свое отражение.

Джинсы небесного цвета, расклешенные от колена, батник белый в голубой цветочек — приталенный, с острыми длинными концами воротника. Мне все эти оттенки очень шли, как раз под мои светло-голубые глаза и длинные светлые волосы.

Я вышла из-за дверцы — показаться Аркадию. И тут он, кажется, впервые посмотрел на меня осознанно, что ли, не как на покупательницу.

— Шика-арно. — У него дернулся уголок губ. Оценил! — Повернитесь-ка. Блуевые трузера с двумя поке-тами на бэксайде...

— А по-русски? — удивилась я.

— Эх, стыдно вам, *такой*, не знать, — снисходительно усмехнулся Аркадий. — Голубые штаны с двумя карманами сзади, вот что это значит.

— Торговаться можно? — деловито спросила я.

— Можно. Ладно, чего там... Джинсы отдаю за сто двадцать, батник — сорок пять, тоже фирма. — Он назвал имя известного французского модельера.

— Сорок, — поправила я.

— Окей, пусть сорок. Что я, жмот какой... Для такой девушки не жалко, — строго произнес Аркадий. — Хотя по пятьдесят обычно продаю. Ну да что там мелочиться...

— Беру. — Я опять скрылась за дверцей шифоньера, переделась в свое — летний сарафан в клетку, отечественного производства; был куплен недавно мной в магазине «Людмила» за одиннадцать рублей пятьдесят семь копеек.

— Шузы нужны?

— Нет, не сейчас. — Я сложила новые вещи обратно в пакеты, а пакеты — в холщовую сумку. Отсчитала сто шестьдесят рублей Аркадию. Недешевая покупка, учитывая, что средняя зарплата сейчас, в 1979 году, в Москве — сто двадцать рублей.

Аркадий хотел пересчитать деньги, но потом почему-то передумал. Сложил деньги в карман халата и спросил осторожно:

— Телефончик не дадите?

— Нет, меня уже сосватали, — невольно улыбнулась я.

— Эх, опоздал... Но вы еще заходите. Я честный человек, своим никогда «самострок» не продам. У меня и техника хорошая бывает, фирменный алкоголь, пластинки зарубежных исполнителей и даже импортная косметика...

— А соседи что? — вырвалось у меня.

Но Аркадий моментально понял, на что я намекаю, и спокойно ответил:

— Они в мои дела не лезут, ну и я в их. Иногда им чего-нибудь подбрасываю, само собой. У меня старший брат по загранкам ездит, он моряк...

— Понятно. Ладно, пойду, всего доброго.

Аркадий пошел меня провожать, забубнил мне в спину:

— Нет, не туда, давайте я вас с парадного выпущу... Негоже таким герлам... таким девушкам — с черного хода... Буду еще вас ждать, и вообще!

— Всего доброго. — Покинув квартиру, я оказалась в этой самой парадной — просторной, гулкой, с отдельно пристроенной полупрозрачной шахтой лифта и вычурной лестницей; спустилась, вышла на освещенную солнцем улицу и направилась к метро.

По дороге вспомнила фильм «Самая обаятельная и привлекательная». Он выйдет еще не скоро, в 1985 году, почти шесть лет его еще ждать. И в том фильме фарцовщик, подобный моему Аркадию, тоже будет удивляться главной героине в исполнении Ирины Муравьевой, приговаривая: «Она что, с Урала?»

Не знаю, легенда это или нет: за шутку «Она что, с Урала?» режиссеру фильма и Госкино пришлось писать извинительную Борису Ельцину, который тогда руководил Свердловским обкомом.

Хотя, по мне, извиняться надо было перед всем Уралом. Впрочем, о чем это я, тот фарцовщик в фильме был представлен не в самом лучшем свете, а с киношного дурачка-зазнайки какой спрос...

Откуда я все это знаю? Да, забыла сказать главное!

Я же из будущего. И на самом деле мне шестьдесят три года. Меня переместил сюда в специальной капсуле (машине времени) бывший одноклассник Николай, с тем чтобы спасти своего старшего брата Артура от нечаянной гибели. Николай изобрел эту капсулу уже будучи пожилым человеком. Он собирался попасть в прошлое сам, но в последний момент передумал. Ему не захотелось расставаться со своей семьей — женой

и тремя уже взрослыми сыновьями (близкие не подозревали о его научных разработках).

Я же когда-то в юности была безответно влюблена в Артура, Николай узнал об этом и предложил отправиться в прошлое мне. А мне как раз терять было нечего. И некого.

Старшего брата Николая, Артура Дельмаса (Дельмас — фамилия французская, ударение на последнем слоге), в конце августа 1979 года зарезал некий Борис. Борис — любовник девушки Артура, Валерии.

Да они все были хороши: и Валерия, и Борис, да и Артур тоже, не сумевший обуздать свою ревность. Поддался на провокацию! Вот и получил нож в сердце и погиб в возрасте двадцати двух лет!

А Бориса оправдали, у его семьи были покровители во власти. Следствие представило дело так, будто Артур сам напоролся на свой нож. Мне же предстояло предотвратить эту безобразную и трагичную сцену, которая должна произойти в конце этого лета, и тем самым «отменить» гибель Артура.

Так странно — вернуться в свое прошлое, где асфальт пахнет свежей гудроновой смолой, а из проезжающих мимо «жигулей» доносится хриплый голос Высоцкого (который через несколько десятков лет станет цифровым файлом — в наушниках внуков этих людей, что едут сейчас мимо). Я вернулась в ту жизнь, которую я уже когда-то прожила, с тем чтобы все начать заново и изменить судьбы окружающих людей... Изменить будущее, по сути.

Вы хотели бы исправить свое прошлое? Думаю, много кто мечтает об этом в конце жизни, оглядываясь

назад, но тут важно помнить, что иногда лучшее — враг хорошего. И вроде бы положительные перемены частенько приводят к совершенно непредсказуемым результатам и только ухудшают ситуацию.

...В первый момент, когда я только попала в прошлое, мне оно показалось ужасным. В нем отсутствовали те удобства и блага цивилизации, к которым я привыкла, и достижения цифровой цивилизации, которые даже отчасти освоила, несмотря на свой пенсионный возраст.

Ни интернета здесь, в 1979 году, ни соцсетей, ни помощи «Госуслуг», ни привычной мощной сети московского транспорта.

Сотовой связи — нет. Компьютеров в том виде, к которому привыкли в двадцать первом веке, — нет.

Здесь использовались только наличные деньги, никаких вам банковских карт, а в магазинах обычно стояли очереди. И практически каждый день надо ходить в эти магазины, никакой доставки на дом! Вернее, доставка существовала, фирма «Заря» предоставляла много бытовых услуг, но не все они положительно воспринимались окружающими. Лишь некоторые, да и то как некая временная помощь, на случай крайних обстоятельств.

Потому что все люди, что называется, тут были на виду. Я уже отвыкла от такого, это ведь неприятно, что все обо всех всё знают, но мало того — еще и частенько лезут в чужую жизнь.

Меня поначалу даже не радовала моя вновь обретенная юность и новый облик, оказавшийся весьма симпатичным. Все это заслуга Николая Дельмаса, в его капсуле можно было управлять внешними характери-

стиками переносимого во времени человека. Николай «сделал» меня красивее, умнее и физически крепче.

Еще Николай дал мне с собой в прошлое всю нужную информацию, которая мне могла понадобиться: где, что и как можно достать в 1979 году, в каких местах расположены тайники с деньгами (люди часто делали клады, о которых становилось известно позже). А также Николай составил инструкцию, к кому можно обратиться в случае разных проблем в этом времени. Собственно, именно так я и попала сегодня к Аркадию, когда мне понадобилась модная одежда.

Ну и конечно, Николай снабдил меня всеми необходимыми документами для спокойной жизни в прошлом. Не могла же я появиться в Москве образца 1979 года из ниоткуда? Тем более что тогда столица являлась режимным, закрытым городом. Просто так, без прописки, поселиться тут было невозможно. А получить ее на законных условиях — тот еще квест. Но с этим я тоже справилась. Не совсем сама, мне в этом вопросе помог один хороший человек...

Теперь я Алена Морозова, живу у якобы своей родной бабушки (я ее называю Бабаней), в том же доме, что и сама жила когда-то. В соседнем подъезде живет моя мама и... я. Лена-прошлая, так я ее мысленно окрестила. Мы с ней немного похожи, но только немного. И ей семнадцать, она только что окончила школу.

Правда, возник нюанс с моим возрастом. Мы с Николаем решили, что мой возраст не должен совпадать с возрастом моего двойника.

Лене-прошлой (Лене Кирюшиной) в 1979 году было семнадцать лет.

А мне, Алене Морозовой, якобы приехавшей в столицу из маленького городка Кострова, здесь, по легенде, девятнадцать. Получается, я старше своего двойника на два года. А все из-за правил приема в Литературный институт, куда я собиралась поступить! Туда брали только после двух лет «отработки».

Я успешно прошла творческий конкурс с повестью, написанной программой (нейросетью) по мотивам популярных в конце семидесятых — начале восьмидесятых историй в кино и литературе: «Вам и не снилось», «В моей смерти прошу винить Клаву К.» и других.

Нейросеть была установлена в планшет, который Николай дал мне с собой в прошлое. В дальнейшем она должна была сочинять за меня тексты — ей не нужны были ни интернет, ни серверы, ни связь, она являлась полностью автономной.

Вот так получилось, что моя вторая жизнь в 1979 году — это сплошная выдумка. Я здесь обманывала государство, Бабаню, маму, соседей по дому, приемную комиссию Литинститута, я обманывала саму себя и своего двойника — Лену-прошлую.

Я обманывала Станислава Федоровича Никитина, капитана милиции, участкового инспектора. Собственно, это именно он помог мне с пропиской и с тем, как обойти закон о тунеядстве. Он любил меня, сделал мне предложение, которое я приняла, а я, получается, морочила Никитину голову — потому что затеяла тайный роман с Артуром Дельмасом. Мы стали близки с Артуром — ну вот как-то так вдруг получилось, ведь в юности я была безответно влюблена в Артура, издали и безнадежно, а тут он вдруг на мои чувства ответил

взаимностью. Могла ли я противостоять напору Артура Дельмаса? Вопрос риторический. Конечно, не могла, эта любовь — и моя радость, и моя боль.

Думаю, мне удалось спасти Артура от грядущей его гибели. Теперь Артур только мой, измена Валерии его больше не должна волновать. Когда она вернется в Москву в конце лета с Черного моря, из пионерского лагеря (там она работает пионервожатой), с намерением признаться, что расстанется с Артуром, поскольку встретила Бориса (он тоже в том пионерлагере вожатый), то Артура это уже не должно сильно задеть.

Зачем ему переживать из-за измены Валерии, если теперь у него есть я? Его новая любовь.

Ну и потом, Артур — единственный человек, который был в курсе того, что я из будущего. Он теперь знал, отчего может погибнуть, и всеми силами сам стремился избежать этой глупой ситуации с любовными разборками. Нет, он теперь точно-точно не должен погибнуть, я уверена.

Мало того, Артур сделал мне предложение на днях, и я тоже приняла его. Не знаю, как мне теперь объясняться с Никитиным, но скоро придется это сделать, поскольку быть невестой сразу двух мужчин невозможно.

Я собиралась поговорить с Никитиным после вечеринки у Дельмасов, она намечалась на завтра, в честь серебряной свадьбы родителей Артура и Николая. Николай, кстати, еще ни о чем не догадывался сейчас: ни о возможной гибели старшего брата, ни о том, что ему придется продолжить дело Артура и отправить меня в прошлое... Николай, мой хороший друг (и не более) в далеком двадцать первом веке, сейчас, в 1979 году, —